

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 140, май 2026

Социальный мозг и искусственный интеллект

Существует антропологическая проблема, связанная с влиянием искусственного интеллекта (ИИ) на человеческое сознание, аналогичная, но на более высоком уровне, влиянию сетевой коммуникации и даже телевизионной коммуникации. Мы рассмотрим три аспекта. *Физические*, связанные с изменениями нейронных связей в мозге как социальном продукте. *Функциональные*, касающиеся способностей, утраченных или развитых под влиянием Интернета и использования искусственного интеллекта. *Эпистемологические*, касающиеся последствий для теории познания и самого понятия объективно определенного принципа реальности.

Церковь, как и в случае с биотехнологиями, способными воздействовать на человеческую ДНК, развивает собственное размышление об искусственном интеллекте и его антропологических последствиях. Она концентрируется на собственном учении, призванном обеспечить ИИ этическими рамками, регулируемыми его использование, с целью предотвращения потенциальных угроз для социальной стабильности и самой человеческой природы.

Мы вернёмся к этому вопросу позже. Пока же ограничимся некоторыми замечаниями Паоло Бенанти, францисканского монаха и распространителя католических размышлений об ИИ. В статье «Человек — это алгоритм?» Бенанти обращается к тезисам американского нейробиолога и популяризатора науки Дэвида Иглмана, изложенным в книге «Livewired» («живой провод») переведен-

ный на русский язык как «Живой мозг».

При рождении человеческий мозг еще не полностью сформирован. Как отмечает Бенанти, по мнению Иглмана, мы рождаемся с «генетической предрасположенностью» к некоторым базовым функциям, таким как освоение языка и склонность к подражанию в поведении, но «структура нашего мозга в значительной степени определяется опытом, который мы приобретаем в этом мире».

Существует даже количественное несоответствие между тем, что определяется генетическим наследием, и тем, что определяется опытом: «Гены содержат лишь ограниченное количество инструкций по построению мозга. При наличии 20 000 генов и 200 000 миллиардов нейронных связей одна только генетика не может объяснить все сложные детали устройства нашего мозга».

Именно здесь и возникает понятие «живого провода», в котором «опыт постоянно формирует и перестраивает нейронные сети». ДНК не предоставляет «фиксированной формы» для сложнейшей сборки связей между нейронами, пишет Иглман; было бы невозможно «заранее определить ее детали». Решение заключается в стратегии, заложенной в геноме: «Создать объект, который остается в значительной степени незавершенным, и позволить опыту взаимодействия с миром доработать его. Именно поэтому люди рождаются с незавершенным мозгом и нуждаются во взаимодействии с миром, чтобы его достроить». В этом процессе «благодаря гибкости

мозга события жизни напрямую вплетаются в нейронную ткань».

В детстве, — резюмирует Бенанти, — «мы переживаем длительный период незащитности и зависимости». То, что на первый взгляд кажется невыгодным с точки зрения эволюции, на самом деле имеет решающее значение для развития мозговых способностей. «В этот период мозг обладает чрезвычайной пластичностью, жадно впитывает информацию из окружающей среды и адаптируется к культуре, языку и социальным взаимодействиям».

Эта пластичность в детском и подростковом возрасте проходит через этапы и периоды, которые генетически предопределены; «возраст имеет значение», уточняет Иглман, и некоторые навыки, приобретаемые на основе опыта, возможны «только в течение ограниченного периода времени». Однако в пределах этих этапов развития, ведущих от детства к сформировавшемуся мозгу взрослого человека, пластичность мозга является постоянным состоянием. Бенанти разделяет эту основную концепцию, которая связывает мозг с социальными отношениями: «Мозг не перестает развиваться после детства. Пластичность мозга сохраняется на протяжении всей жизни, позволяя ему адаптироваться к новым впечатлениям и осваивать новые навыки. В этом динамичном процессе важна не только «ма-

шина, которой мы являемся», но и жизнь, которую мы ведем: иными словами, наша жизнь делает нас людьми, которые являются одновременно детьми истории и ее творцами. Именно культура оказывает глубокое влияние на то, как наш мозг интерпретирует сенсорную информацию и придает ей значение, позволяя формироваться нейронным ландшафтам, которые определяют, как мы воспринимаем и интерпретируем мир».

Если понимать понятие культура в самом широком смысле — как совокупность практических и интеллектуальных наработок в рамках определенной общественно-экономической формации, где эти наработки определяют отношения между людьми и передаются из поколения в поколение, — то мы находимся в рамках материалистической концепции сознания.

Это язык, наука, техника, историческая традиция, литература, идеологии, связанные с конкретным способом производства, «непосредственно вплетаются» в нейронную ткань коры головного мозга отдельных людей посредством опыта и чувственности. Впрочем, поскольку экономический базис и соответствующее классовое разделение этого способа производства являются в конечном счете определяющими, и что для марксизма господствующие идеологии — это идеологии господствующего класса.

Lotta comunista, апрель 2026 г.

Содержание

Социальный мозг и искусственный интеллект
Американские потрясения и кризис порядка в Ормузе
Понять войну

стр. 1
стр. 2-3
стр. 4

Американские потрясения и

В результате войны с Ираном и морской блокады иранских портов в ответ на закрытие Ормузского пролива Соединенные Штаты погрузили в хаос энергетическую артерию Персидского залива, вызвав экономические, социальные и политические потрясения, масштабы и неравномерное распределение которых от Востока до Запада еще предстоит оценить.

То, что третья война американского империализма в Персидском заливе приведет к непредвиденным последствиям, давно было предопределено законами политики. Любое политическое действие, тем более если оно осуществляется с помощью военных средств, вписывается в параллелограмм сил, результирующая сила которого никогда не может соответствовать воле отдельных участников конфликта. То, к чему стремится каждая держава, сдерживается или поощряется другими. Ход боевых действий будет, таким образом, более или менее соответствовать стратегическому расчету сил, действий и реакций держав в системе государств, при условии, что такой расчет существует и что имеется достаточно элементов для его проведения. Учитывая множество задействованных факторов, особенно в условиях многополярном противостоянии, обострившемся из-за кризиса послевоенного порядка и радикального изменения баланса сил между великими державами, результатом в любом случае станет то, чего никто не хотел.

Типичным примером являются войны, развязанные США на Ближнем Востоке. В данном случае силовые меры, призванные противостоять относительному упадку американского лидерства, в конечном итоге только ускорили этот процесс. Патрик Фулис, бывший редактор журнала "The Economist", а ныне работающий в "Financial Times", пишет, что в идеологическом представлении о балансе сил первая война в Персидском заливе считалась войной однополярности, вторая — войной американской чрезмерной экспансии, а третья, происходящая сегодня, закрепляет распад мирового порядка, сформированного Соединенными Штатами после Второй мировой войны. Вашингтон будет стремиться извлечь максимальную выгоду — или минимизировать ущерб — из новой односторонней эскалации в Персидском заливе, но тенденции к многополярности, в рамках которой Китай и Европа бросают вызов его лидерству, уже укоренились, хотя для ее полного проявления потребуются еще годы.

То, что каждое действие влечет за собой непреднамеренные последствия, вовсе не означает, что итоги мировой борьбы в целом непредсказуемы или непостижимы. Скорее, следуя Энгельсу, необходимо рассматривать международные борьбы как «бесконечную группу параллелограммов сил», результирующие силы которых, чем дольше рассматриваемый период и чем обширнее исследуемая область, будут стремиться приближаться к основным тенденциям борьбы, к изменению соотношения сил в долгосрочной перспективе и, в конечном счете, к средней линии неравномерного экономического и политического развития. Это означает, что каждый серьезный кризис в международных отношениях в той или иной степени также выявляет существующие тенденции, а так-

же изменяет, ускоряет или противодействует им и переопределяет их внутренние пропорции. Поэтому неудивительно, что и третья война в Персидском заливе демонстрирует тенденции упадка США, подъема Китая, перевооружения Европы и азиатского многостороннего выравнивания, по-разному отражающиеся в коварных водах Ормуза.

Дональда Трампа обвиняют в том, что он утратил контроль над ходом войны и невольно предоставил Ирану власть над проливом, которую Тегеран всегда имел лишь на бумаге и никогда не осуществлял. Война, превратившаяся в конфликт за Ормуз, таким образом, предоставила бы Ирану рычаг влияния — новое средство сдерживания в виде угрозы энергетическим потокам, которое Иран использовал бы для прекращения атак и достижения перемирия. Речь идет о доверии к США перед лицом самонавязанной дилеммы Ормуза: будущий статус пролива становится призмой, через которую можно рассматривать добровольно развязанную войну; это было не так, когда начался конфликт, целью которого было навсегда ослабить военную мощь Ирана и его ядерную программу. Более того, если одной из целей было предотвратить *ишитскую бомбу*, то побочным результатом стало то, что появилась *суннитская бомба* — ядерный пакт между Пакистаном и Саудовской Аравией, который проявился в Персидском заливе как в военном плане, с размещением пакистанских истребителей в Эр-Рияде, так и в дипломатическом, благодаря посредничеству Исламабада между США и Ираном.

Само собой разумеется, что если Тегеран усилит контроль над проливом, например, объявив там свою суверенитет или, в крайнем случае, совместное управление с целью взимания пошлины (по слухам, в размере одного доллара за баррель), то война создаст прецедент в изменении морского порядка, который является частью мирового порядка, закреплённого институтами унитарного империализма в ходе длительного либерального цикла. Конвенция Монтего-Бей 1982 года предусматривает право беспрепятственного прохода через международные проливы, но она не была ратифицирована ни Вашингтоном, ни Тегераном. Конвенция Монтрё 1936 года, регулирующая проход через Дарданеллы и Босфор, обеспечивает свободу транзита в мирное время, но под военной опекой Турции. Наконец, Малайзия и Индонезия не признают международный характер Малаккского пролива, но предоставляют право бесплатного транзита через проливы, в отличие от каналов, таких как Панамский или Суэцкий, которые являются платными. Война может иметь жизненно важные последствия для того, как государства контролируют «узкие места» мировой экономики — от Средиземного моря до Персидского залива, от Южно-Китайского моря до Тайваньского пролива.

Мы писали об этой беспрецедентной и в то же время столь типично американской фигуре Трампа, опираясь на диалектический подход «18 брюмера»: Карл Маркс не ограничился объективистскими и субъективистскими версиями, которые делали из Луи Бонапарта историческую необходимость и гиганта зла, но проанализировал факты и обстоятельства, позволившие этой эксцентричной

личности сыграть «роль героя». В конкретном анализе непредсказуемого поведения Белого дома необходимо, таким образом, учитывать оба аспекта: черты «*посредственной и гротескной личности*» и политические обстоятельства, которые усиливают их влияние в условиях бурных потрясений, сопровождающих упадок. В то же время необходимо учитывать соотношение сил, при котором США по-прежнему остаются ведущей мировой державой, несмотря на малопонятную внешнюю политику.

Обе партии американского истеблишмента, их политические деятели, отобранные в условиях политического шоу-бизнеса и телевизионной демократии (символическим примером чего является Трамп), а также политическая культура «*исключительности*» Нового Света оказались неспособны справиться с упадком американской метрополии с той же эффективностью, с которой политическая система сумела обеспечить её относительное превосходство в течение длительного послевоенного периода. Это несоответствие усугубляется масштабностью китайского вызова; впервые Соединенные Штаты имеют дело с державой, которую они не могут подавить с опорой на свои ресурсы.

Именно такую точку зрения высказывал Майкл Дж. Грин, помощник Джорджа Буша-младшего по Азии, в книге "By more than Providence", и сегодня мы видим, что она лежит в основе многих комментариев. Грин отвечал на книгу "Special Providence" — ключевой труд Уолтера Рассела Мида, названный в честь знаменитой фразы, приписываемой Бисмарку, согласно которой «у бога есть особое провидение для глупцов, пьяниц и Соединенных Штатов». До сих пор особое американское провидение защищало США; с Китаем этого уже недостаточно. Соперничество с Драконом резко сужает пространство США для совершения ошибок.

Окончательное суждение о войне в Иране зависит от завершения переговоров в Пакистане, и, возможно, придется дожидаться встречи Трампа и Си Цзиньпина, запланированной в Пекине.

По мнению Мида, Трамп начал войну, рассчитывая, что она будет короткой; но если война затянется, ему придется искать союзников как за рубежом, так и внутри страны: тот факт, что он не сделал этого раньше, может бросить тень на его президентство. Необходимость добиваться консенсуса по такому ключевому решению, как война, уже после её начала или в ходе её проведения, дает представление о том политическом дисбалансе, который охватил Вашингтон. Трамп потряс атлантические отношения и пошатнул либеральный цикл, вызвав санкции Верховного суда; но он еще не брал в руки оружие в крупном конфликте. С выбором третьей войны в Персидском заливе дисбаланс переступает еще один порог и сигнализирует, посредством акта военной силы, о политической слабости.

Этторе Секи был генеральным секретарем Министерства иностранных дел Италии и послом в Китае. В серии статей для газеты "La Stampa" он четко изложил суть кризиса, давая несколько точных обобщений. США не удастся мобилизовать союзников; Европа проводит различие между общими интересами и общей войной, она хочет участвовать в обеспечении

стабильности, но не в войне; на этом фоне действует Китай, который извлекает выгоду из кризиса, в котором США распыляют ресурсы, и, несмотря на то что страдает от перебоев в поставках энергоресурсов, получает стратегическое преимущество. По мнению Секи, война вступила в фазу, когда военного превосходства уже недостаточно для достижения политического результата: «*Китай наблюдает за американской державой, которая наносит сильные удары благодаря своему военному превосходству, но с трудом трансформирует силу в порядок*».

Пекин действовал опосредованно, через посредничество Пакистана и плотную сеть дипломатических контактов. Вашингтон признает влияние Китая на Исламабад, но Пекин об этом не афиширует. По мнению Клода Леблана из газеты "L'Opinion", роль Китая является значительной, но он предпочитает действовать незаметно. По мнению Секи, Китай входит в число стратегических победителей конфликта, «*не выставляя себя напоказ*»: война перестраивается вокруг Пекина не потому, что Китай ее контролирует, а потому, что без него ее становится трудно вести. Если одной из целей войны было отдалить Китай от Персидского залива, то, как мы видим, она провалилась. Ормузский пролив, ранее представлявший угрозу для Пекина, становится инструментом китайского влияния.

Пока что эта война скорее свидетельствует о подрыве доктрины Картера, чем о ее полном крахе или отмене, хотя Китай привлекается в регион той же самой державой, которая спровоцировала кризис, с целью оказать на него влияние. Следствие Трампа к доктрине — старая американская гарантия открытых дверей в Персидском заливе — подтверждается, с другой стороны, возможность погрузить этот регион в хаос, чтобы заставить другие державы идти на переговоры, хотя стратегические намерения остаются неясными. Они могут включать переговоры о вхождении Китая или создание коалиции ряда держав, чтобы предотвратить или затруднить это. Кроме того, морские миссии по разминированию и обеспечению безопасности Ормуза, запланированные Европой и азиатскими державами на послевоенный период, могут иметь множество значений: от старых держав, сохраняющих политику открытых дверей в условиях колебаний США и интернационализирующих ее, до условного открытия для Китая в рамках согласованных действий держав, как рамки нового раздела, происходящего в настоящее время. В этом смысле характер миссий будет отражать изменение соотношения сил.

Мы говорили о «Суэцком кризисе» для американской державы, проводя натянутую аналогию с завершающей фазой длительного упадка Великобритании. Однако настоящий «1956 год», когда в Персидском заливе произошло перевертывание отношений между Китаем и США, подобно тому, что произошло между старыми колониальными державами и молодой американской державой в 1950-е годы, лишь мелькнул в перспективе, но так и не материализовался. Пекин не заменил США в Персидском заливе, и вполне вероятно, что он подтвердит свое предположение постепенного подхода, как в 1956 году, сократив нагрузку на свою внешнюю полити-

кризис порядка в Ормузе

ку и сохранив возможности для маневра в отношении американского присутствия. Можно поспорить, что в Запретном городе принимают во внимание работы Генри Киссинджера, согласно которым в 1956 году Вашингтон поспешно унизил европейцев, в результате чего оказался обремененным весом обязанностей на Среднем Востоке и во Вьетнаме, которое он мог бы разделить с ними. Китай, вероятно, будет проявлять осторожность, чтобы не повторить ту же ошибку. Наша газета, тем не менее, освещала политические течения в Шанхае и Гуанчжоу, которые не желали ввязываться в ближневосточные проблемы, выступая против США.

Более того: в условиях кризиса Дракон укрепил свой имидж ответственной державы, укрепив свою легитимность за счет критики ослабления международного порядка. Пекин отстаивает общие интересы великих держав в поддержании относительной стабильности в условиях империалистической борьбы, в то время как США не только заявляют, что больше не намерены ее гарантировать, но и уже действуют в этом направлении в экономической, политической и военной сферах. Однако для того, чтобы претензии Китая выглядели убедительно, они должны в той или иной степени учитывать и США. Чжэн Юннань из Университета Гонконга (Шэньчжэнь) провинции Гуандун пишет, что война в Иране расширила стратегическое пространство маневра Китая для переговоров о «совместном G2» с США. Китай должен «принять Трампа в Пекине с максимальными протокольными почестями» и предложить открытый доступ к Южно-Китайскому морю в обмен на признание китайского суверенитета. Чжэн — «манчестерский» представитель из Гуанчжоу, для которого «изменение мира с помощью производственного потенциала — это самый мирный подход»; но это не означает отказа от «политического мастерства». Китай хочет избежать столкновения с Вашингтоном, чтобы усилить свое влияние в условиях кризиса существующего порядка. Это также соответствует интересам других держав, стремящихся отсрочить его разрыв хотя бы для того, чтобы дать время на перевооружение. Таким образом, китайское «стратегическое спокойствие» может способствовать дифференциации старых держав.

На данный момент наиболее значимым следствием войны является обострение атлантического кризиса между США и ЕС. В некоторых аспектах конфликт делает его необратимым: угрозы Трампа выйти из НАТО, *linkage* — фактически шантаж — между американской поддержкой Украины и ролью Европы в Персидском заливе, а также отказ Европы предоставить базы и воздушное пространство для американских истребителей.

По сути, Белый дом своими заявлениями фактически подорвал доверие к американскому «зонтику безопасности»: подозрения в отношении принципа взаимной обороны в рамках Альянса укрепились в связи с возможностью того, что США вновь изберут президента, заявляющего о несоблюдении этого принципа, даже если Сенат будет этому противостоять. В других аспектах конфликт продемонстрировал зависимость США от европейских баз для проведения воздушных миссий на Ближнем Востоке;

по мнению Яны Пуглиерин из Европейского совета по международным отношениям, это одна из карт в руках Европы, позволяющая оказывать давление на Вашингтон.

Прецедент войны Судного дня 1973 года может быть полезен для рассмотрения кризиса в долгосрочной перспективе и понимания как закономерностей противодействия Америки европейской автономии, так и изменения политических отношений между двумя берегами Атлантики. В своих мемуарах Киссинджер вспоминает, что 1973 год должен был стать «годом Европы» — по замыслу администрации Никсона это должно было стать новым этапом в развитии атлантических отношений после потрясений 1971 года. Однако этот год стал годом Уотергейта, нефтяного кризиса и кризиса в атлантических отношениях; восстановление отношений пришлось отложить до саммита в Рамбуйе в 1975 году.

Ключевой момент касается укрепления ЕЭС с присоединением Великобритании, Ирландии и Дании. «Новая Европа девяти стран взяла на себя обязательство добиваться как политического, так и экономического объединения. Это расширение и укрепление европейского единства ознаменовало конец американского господства на Западе». Атлантические отношения преобразились: Европа не «объединилась бы, чтобы разделить наши бремена, или [...] довольствовалась бы подчиненной ролью, как только получила бы средства для реализации своих идей»; «специфические» интересы двух континентов все еще можно было бы согласовать, «но это были бы отношения, отличные от отношений “золотого века” Плана Маршалла, который так хорошо соответствовал американской склонности брать на себя контроль и решать проблемы с помощью ресурсов». После того как Европа стала бы экономически сильной и политически единой, сотрудничество потребовало бы «болезненного процесса адаптации, терпения и чуткости с обеих сторон Атлантики».

Инициатива Никсона и Киссинджера позволила выявить «разногласия в подходах, до того момента не выражавшиеся» европейскими союзниками; однако именно война между Израилем, Египтом и Сирией, а также нефтяное эмбарго арабских стран выявили «разнонаправленные, а порой даже противоположные интересы». Зависимость Европы от нефти усугублялась разочарованием от того, что она оказалась в роли зрителя в регионе, где ранее занимала доминирующее положение; однако более глубокая проблема касалась поведения союзников в условиях чрезвычайной ситуации и взаимного разногласия: «В 1956 году, столкнувшись с таким выбором во время попытки Великобритании и Франции захватить Суэцкий канал, Соединенные Штаты навязали свою оценку ситуации. [...] Я всегда считал, что многие из наших последующих трудностей проистекали из нашего бесчувственного поведения по отношению к союзникам в тот период, которое подпитывало давно тлеющую обиду и способствовало возникновению чувства беспомощности, ускорившего их уход из зарубежных обязательств и усугубившего бремя, лежащее на плечах Америки. Теперь ситуация изменилась на противоположную, и Европа не проявила большей мудрости, чем мы почти двадцать лет назад».

В 1973 году европейцы по разным причинам отказали ВВС США в предоставлении авиабаз и воздушного пространства, но «суть спора» была стратегической: речь шла о «возможности проведения отдельной, а в случае Ближнего Востока — объективно противоречащей друг другу политики» между Соединенными Штатами и Европой. Сегодня эти разногласия не менее заметны и, безусловно, более явно проявляются в публичной дискуссии, чем тогда; однако на протяжении десятилетий в ходе развития атлантических отношений Европа постепенно превратилась в континентальную империалистическую силу со своим многообразием государственных надстроек, а с началом войны на Украине ускорила процесс своего перевооружения в рамках трансатлантического сотрудничества.

С одной стороны, вполне предсказуемо, что война в Иране еще больше усилит европейские стремления к европеизации НАТО, и именно «New York Times» указывает на три доклада прошлого года, свидетельствующие об этом: по мнению Камилль Гранд из ECFR, десятилетний план европейского перевооружения может, как ни парадоксально, стать лучшим способом сохранить прочные атлантические отношения и приверженность США; по мнению аналитического центра Bruegel, европейская оборона от российской угрозы без участия США потребует в краткосрочной перспективе 250 миллиардов евро; наконец, по оценке лондонского IISS, потребуется триллион долларов, чтобы заменить американские конвенциональные силы в евроатлантическом регионе. Параллельно с этим остаются в силе инициативы по европейскому сдерживанию и шаги, более тесно связанные с обороной ЕС. Наконец, вполне логично, что атлантический кризис подталкивает к возрождению европейских инициатив по восстановлению связей с Россией, начиная с энергетического вопроса, учитывая двойную зависимость от Персидского залива и американского газа.

В условиях войны, требующих осторожности, эта перспектива обсуждается в России и начинает появляться в немецкой прессе. Фёдор Лукьянов, председатель Российского совета по внешней политике и обороне, сообщил словацкому журналу «Marker», что Москва хотела бы возобновить экспорт в Европу, но позиция европейцев во многом зависит от Германии. Лукьянов относит себя к числу тех, кто в России стремится налаживать отношения с ЕС. Дмитрий Тренин, председатель Российского Совета по Международным Делах (РСМД), призывает в «Коммерсанте» лучше изучать Европу, чтобы понять ее отличие от США в отношении войны на Украине и противодействия войне в Иране. Европа больше не является «вассалом» Соединенных Штатов, она также имеет собственное отношение к России. Наконец, по мнению Ивана Тимофеева, директора РСМД, нельзя исключать будущего сближения. Сигналы об этом поступают из журнала «Internationale Politik» DGAP, немецкого общества по внешней политике, где Кристиан Триппе отмечает «нюансы» российской дискуссии и ссылается на Лукьянова.

Эти сигналы также следует отнести к непреднамеренным последствиям войны в Персидском заливе.

В остальном, именно энергетические показатели зависимости азиатских стран от Персидского залива в настоящее время быстро превращаются в мощные удары по экономике, социальным отношениям и внутренним политическим циклам многих стран. Последствия блокады Ормуза для Азии весьма серьезны, о чем мы рассказываем на других страницах газеты. В очередной раз оказывается полезным следить за журналами.

Токийская газета «Никкей» сообщает, что японское правительство рассматривает возможность оказания помощи в разминировании Ормузского пролива после прекращения боевых действий.

Хэппимон Джейкоб, редактор издания «India's World», пишет, что война создала больше проблем, чем решила: «Хотя очевидно, что военная мощь США способна нанести огромный ущерб, она всё менее способна преобразовывать этот ущерб в политические результаты». Перед лицом блокады Ормуза реакция США заключалась в том, чтобы уклониться от любой ответственности; издержки глобальных провалов Трампа тяжелее всего ложатся на тех, кто больше всего зависит от старого, умирающего мирового порядка; доверие к американскому лидерству в Азии находится на историческом минимуме. Для Индии США становятся фактором постоянной нестабильности в стратегическом соседстве Персидского залива и Южной Азии, и это вынуждает пересмотреть пропорции многостороннего выравнивания, не отказываясь от выгодных отношений с США, но сдерживая негативные последствия, исходящие из Вашингтона.

Раджа Мохан подводит итоги: «Азиатские столицы осознают риски, связанные с тем, что их жизненно важные интересы зависят от изменений политических настроений в Вашингтоне». Закрытие Ормузского пролива наносит удар по самой сути экономической безопасности региона, процветание которого зависит также от Монтего-Бейских норм, гарантирующих свободу судоходства. Индия постоянно подчеркивала два принципа: энергетическую безопасность и беспрепятственное судоходство через Ормузский пролив. Эти общие опасения создают пространство для того, чтобы Дели сформировала региональную коалицию «для защиты свободы судоходства».

Существует также китайское предложение о создании «азиатской коалиции за потребительский порядок», наделенной финансовыми, страховыми и военными инструментами, выдвинутое нефтяной группой CNPC в журнале «Beijing Cultural Review». В журнале Большой залив Гуандуна мы, в свою очередь, находим китайское предложение о совместном использовании нефтехимической промышленности и совместной разработке месторождений в Южно-Китайском море.

На закате политики открытых дверей США множатся военно-морские миссии, непреднамеренные последствия и половина — «1956» года.

Lotta comunista, апрель 2026 г.

Понять войну

Нужно понять войну. Распутать тысячи нитей, которыми она переплетена с политикой. Нужно изучить сложную систему сообщающихся сосудов, что связывают между собой мировую политику – столкновение между империалистическими центрами за раздел мировых рынков – и нынешнее положение рабочего класса и его перспективы в Европе и в мире. Война гремит у дверей Европейского союза: в случае Украины это буквально, в случае Персидского залива косвенным образом, но это только на первый взгляд. Война в Заливе – глобальный шок. Во-первых, она спровоцировала остановку одной пятой мировой торговли нефтью и СПГ. Глубина последствий неравномерна: для Азии удар серьезнее, чем для Европы, – однако повышение стоимости энергии в транспорте и производстве заставит инфляцию взлететь повсюду. По оценкам МВФ, она составит от 4 до 6 %.

Но есть и другой малоизвестный аспект, а именно удар по производству и экспорту удобрений в преддверие посевного сезона. Он был явно недооценён Вашингтоном, находившемся в плену иллюзии о возможности “хирургической атаки”, что привела бы к незамедлительной капитуляции Тегерана. Не стоит забывать и о других производных от газа и нефтепереработки в промышленных цепочках поставок. К примеру, Катар оказался заблокирован перекрытием Ормузского пролива и был атакован иранскими ракетами. Чтобы восстановить мощности по добыче и переработке, ему потребуется время, а ведь от именно катарского газа зависит второй по величине источник гелия, необходимого для охлаждения магнитов и суперпроводников, для аппаратов МРТ в больницах, оптоволоконных, дуговой сварки, плоскостельных дисплеев смартфонов и телевизоров и даже для консервации продуктов в изменённой атмосфере. Ещё один аспект, и ещё более глубокий. В этой войне отражается кризис порядка, атлантический упадок и вторжение Азии и Китая. В грядущее десятилетие Пекин разовьёт военную силу мирового уровня; Индия, Бразилия и другие державы утвердят свой возросший вес; Европа завершит перевооружение, а будущее Атлантического альянса неопределённо. Неизвестно также, как отреагирует Вашингтон на столь радикальные изменения. Хаотические и яростные столкновения в войнах кризиса порядка являются также судорожными отголосками его упадка.

В общем, чтобы понять войну, нужно понять мир. А для понимания мира необходима марксистская наука. Чтобы быть эффективной, она должна обеспечить себя организацией и ежедневной работой.

Третья война в Заливе вновь пролила свет на большой парадокс. С одной стороны, эта война, как и любая другая, стала триумфом национализмов, что под всевозможными идеологическими прикрытиями защищают ту или иную буржуазию, будь то восходящую в фазе роста или империалистическую в упадке. С другой стороны, как и все войны, она стала ощутимым доказательством единства мира, мирового рынка товаров, капиталов, а также людей, в особенности рабочих.

Само собой, напрямую вовлечённые в конфликт дорого платят – собственными жизнями – за колоссальное противоречие капитализма. Примером, как сама же война “объединяет” рабочих со всего мира, могут служить глобальные экономические отголоски конфликта в Заливе: повсеместно чувствуется страх инфляционной волны. Здесь есть и памятка для профсоюзов, особенно итальянских.

Срочность в защите зарплат

Вместо того, чтобы пускаться в предсказания, лучше подготовиться. В Италии падение реальных зарплат, накопленное в ходе последних кризисов, от пандемии до войны на Украине, так и не было полностью компенсировано. И мы знаем, почему: коллективные контракты имеют слишком долгий срок (многие из них заключаются на четыре года, что по нынешним меркам столетия), к тому же обновляются с опозданием. Стоит принять во внимание и аспект, который на первый взгляд кажется техническим: ориентиром величины инфляции для повышения по контракту является IPCA-NEI. Аббревиатура расшифровывается так: “гармонизированный индекс потребительских цен за вычетом важных энергетических благ”, то есть рост цен на последние не учитывается в подсчётах. Однако, когда именно рост цен на энергию является причиной инфляции, становится ясно, почему падают зарплаты.

Таким образом, нужно вновь решительно поставить зарплатный вопрос. Об этом постоянно твердят теперь все профсоюзные руководители, прежде чем отвлечься на темы парламентаризма, особенно в нынешний предвыборный период. Не стоит закрываться и в корпоративной логике тех, кто хочет привязать уровень заработной платы только к производительности, к тому же без особого успеха. Экономист ОЭСР Андреа Гарнера это признаёт: «Мы уже попытались пойти по дороге соглашений вокруг производительности, но далеко она нас не ведёт. В итоге они будут касаться только стартапов» (*Corriere della Sera*, 7 апреля).

Именно война, с её объективно глобальным масштабом, заставляет нас понять, что проблемы касаются всех рабочих мира, а не только итальянских.

Международный класс в Заливе

Международный характер последствий войны наглядно доказывает пример десятков тысяч моряков на кораблях, надолго заблокированных в Заливе. Они заплатили за эту войну лишением продовольствия и базовых благ, а некоторые из них и жизнью.

Это рабочие родом из всех уголков мира и, в особенности, из азиатских стран: Индии, Филиппин и Индонезии. Из этих же стран, а также Бангладеш, Пакистана и Таиланда, происходит большая часть от двадцати четырёх миллионов иммигрантов в страны Залива. Среди них тоже есть погибшие под бомбами. И все они столкнулись с трудностями в поддержании связи со своими родными странами, куда они отправляют значительную часть своих доходов и где эти переводы являются жизненно необходимыми. *Le Monde* от 16 марта приводит данные: почти девять миллионов индийских иммигрантов в 2024 году отправили домой из стран Залива примерно 50 миллиардов долларов; почти два миллиона непальских иммигрантов

обеспечивают переводами одну четвёртую ВВП страны; на всём Среднем Востоке насчитывается шесть миллионов бангладешцев; более одного миллиона филиппинцев переводят 5,3 миллиарда долларов.

Это лишь часть мирового рабочего класса: растущая эмиграция доказывает его глобальный характер. Она затрагивает не только капиталистически малоразвитые или развивающиеся страны и наиболее бедные социальные слои, но и развитые страны и квалифицированных рабочих.

Циркуляция рабочей силы

The Economist от 28 марта посвятил статью «экономике экспатриантов», наблюдает за эмиграцией работников из развитых стран: «Политики фокусируются на числе человек, иммигрирующих в их страну. Однако они не замечают, что число человек, покидающих их страну, бьёт рекорды». Газета приводит данные по тридцати одной развитой стране: в 2024 году их покинуло примерно четыре миллиона человек, что на 20 % выше допандемийного уровня. Из Канады выехало на 34 % больше людей, чем в 2019 году, из Новой Зеландии – на 29 %, из Швеции целых на 60 %, а Италия переживает «бум эмиграции».

Стоит приглядеться к этим цифрам, ведь в Италии феномен подаётся иначе: его называют “утечкой мозгов” и чуть ли не итальянской аномалией и приправляют «пауперизмом и упрёками», как мы писали в феврале 2024 года.

На тот момент ISTAT подсчитал более одного миллиона “эмигрантов” за десятилетие 2012–2021, а Fondazione Nord Est в специальном исследовании – от двух до трёх миллионов. Это значит, что из Италии уезжает в три раза (ISTAT) или в целых семь раз (Fondazione Nord Est) больше человек, чем в неё приезжает из развитых стран. В действительности, поскольку дисбалансы характерны любому явлению на рынке, нетрудно найти объяснение в разнице зарплат,

что подталкивает тех, кто может, искать за границей более оплачиваемую работу. Это верно для любого уровня образования, однако оценка *The Economist* в этом отношении интересна: «Люди как минимум с бакалаврским дипломом имеют в два раза больше шансов эмигрировать в 20 лет, чем люди без него». Получается, как минимум в случае Италии, нужно не жаловаться, а вести решительную борьбу за зарплату.

Изучая причины оттока рабочей силы, *The Economist* указывает также на «контрудар миграционного бума» последних лет: иммигранты продолжают поиск лучшего места жительства, чем первая страна их прибытия. Британская газета включает в счёт и «массовые высылки Дональда Трампа», что приведут к выезду из США «до миллиона человек в 2026 году», и добавляет: «Впервые за многие годы больше работников технологического сектора переселяются из США в Европу, а не наоборот».

Всевозможные мигранты

Явление имеет, таким образом, несколько причин. Однако в его базе лежит существование мирового рынка рабочей силы, и наиболее значимую роль, определённо, играет экономический аспект. Демограф и ректор миланского университета Боккони Франческо Биллари также подерживает этот тезис: «В мире труда, где в особенности для дипломированных работников существует реальная альтернатива национальному рынку труда, некоторые из них отправляются на более привлекательные рынки» (*La Repubblica*, 17 января).

Если обобщить, сам капитализм делает из рабочих всех уровней действительно интернациональный класс, вынужденный оплачивать многочисленные противоречия этой общественной системы. Однако приобретение классом интернационалистического сознания является делом и целью ленинистской партии.

Lotta comunista, апрель 2026 г.